

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов

Действие первое

Сцена первая

(Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле, Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.)

Дмитрий Петрович. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мне не отпустят. Признаюсь, умереть, не выдавши тебя, было бы грустно – я стар, слаб – много жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально... и теперь чувствую, что скоро бог призовет меня к себе – даже нынче, когда мне объявили о твоём приезде, то старость напомнила о себе... Не знаю, как перенес я эту последнюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не так слабы, как говорите.

Дмитрий Петрович. А что мудреного?.. Александр, скажи-ка, уж не в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точно – вы никогда со мною не были так веселы, как теперь с братом.

Дмитрий Петрович. Не пеняй, брат, не пеняй – ведь я с тобой всегда, а его сколько лет не видал (целует его). Ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года, как брат не был дома... И сам он много переменялся, и здесь в Москве всё, кроме нас, переменялось... Я думаю, он не узнает княгиню Веру.

Юрий. Какая княгиня?..

Дмитрий Петрович. Разве не знаешь!.. Веринька Загорскина вышла за князя Лиговского! Твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! так она вышла замуж, и за князя?

Дмитрий Петрович. Как же, 3000 душ и человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бельэтаж, и сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! и 3000 душ! А есть ли у него своя в придачу?

Дмитрий Петрович. Он человек пречестный и жену обожает, старается ей угодить во всем, только пожелай она чего на другой же день явится у ней на столе... Все ее родные говорят, что она счастлива как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прикажете делать с этими бумагами?

Дмитрий Петрович. После – до бумаг ли мне теперь.

Юрий. Признаюсь... я думал прежде, что сердце ее не продажно... теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дмитрий Петрович. Ох вы, молодые люди! а ведь сам чувствуешь, что она поступила бы безрассудно, если б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрий. А! она сделалась рассудительна.

Александр (в некотором волнении). Батюшка! поверенный ждет... нужно.

Дмитрий Петрович. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронуто – тебе досадно, что она счастлива – это дурно.

Юрий. Она не может быть счастлива.

Александр (прерывая). Батюшка... позвольте... очень нужное дело; (в сторону) неужели этот разговор никогда не кончится!

Дмитрий Петрович. Я сказал тебе, что после... ты вечно с делами, ведь видишь, что я говорю серьезно. Нет, Юрий, это не хорошо... Впрочем ты сам увидишь, как она любит мужа.

Юрий. Не может быть.

Дмитрий Петрович. Все ее родные говорят и она сама.

Юрий. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж имею понятие о том, что такое князь... Она любить его не может.

Александр. Она его любит – страстно.

Дмитрий Петрович. Ну, братец, ты об этом судить не можешь. (Юрию) Он так холоден, так рассудителен, что, право я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Александр. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.

Дмитрий Петрович. У него всегда готово оправдание – а тебе, Юрий, я должен дать совет и прошу тебя иметь на этот раз хоть ко мне полную доверенность. Я стар, опытен и понимаю молодость. Я с целию завел этот разговор, выслушай: она теперь счастлива, я в этом уверен, но она молода, она тебя любила прежде, и во всяком случае ваша встреча произведет в ней некоторое волнение; если ты не покажешь никакого желания возвратиться к прежнему, если ты будешь обращаться с нею, как с женщиной, которую бы ты встретил 2 раза на бале... то поверь, в скором времени вы оба привыкнете к мысли, что между вами не должно уже быть ничего общего; но слушай, Юрий, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить их супружеское счастье: это удовольствие низкое, оно отзывается чем-то похожим на зависть... Большая слава обольстить бедную слабую женщину! Обещай мне вести себя благоразумно.

Юрий. Я обещаю не делать первого шага.

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я не обещаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрий Петрович. Я прошу тебя!.. ты знаешь, как я дружен с ее семейством.

Слуга (входит). Князь Лиговский с княгинею.

Александр (в сторону). Решительная минута.

Юрий. Батюшка, вы будете мною довольны.

(Входят княгиня и князь.) (Княгиня и Юрий медленно раскланялись, наблюдая друг друга.)

Князь. Дмитрий Петрович! честь имею вас поздравить с приездом Юрия Дмитрича – я думаю, вы очень рады.

Дмитрий Петрович. Благодарю вас, князь, от всей души... когда вы будете отцом, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь (с улыбкою). Я надеюсь, что это будет скоро.

(Вера отворачивается, потом)

Вера. Monsieur Радин! рекомендую вам моего мужа – прошу его полюбить.

Юрий. Я буду стараться, княгиня.

Князь. А я надеюсь, что мы сойдемся: я, как говорят военные, в полном смысле добрый малый.

Юрий. Увидав вас, князь, я это тотчас угадал. (В сторону) Ее хладнокровие меня бесит.

Дмитрий Петрович. Княгиня, милости просим, князь.

(Садятся.)

Вера. Как вы находите, monsieur Радин, я постарела?

Юрий. В счастье не стареются, княгиня, – вы не постарели нисколько, хотя переменялись.

Дмитрий Петрович. Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень – прекрасные комнаты, только довольно странное расположение, столько дверей, закоулков и лестниц в задней половине, что я в первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переехал, и теперь всё занимаюсь уборкой комнат.

Вера. Ах, вообразите, как мой Пьер мил!.. Сегодня я просыпаюсь и вдруг вижу у себя на туалете целую модную лавку... что ж вышло: это все он мне подарил на новоселье.

Юрий. Княгиня! это показывает, как дорого князь ценит вашу любовь.

Князь. О помилуйте! мне так приятно ее тешить... за каждую ее ласку я готов дать десять тысяч.

Александр (в сторону). За такую ласку я уж отдал спокойствие – теперь отдам жизнь.

Князь. Что вы так задумчивы, Александр Дмитриевич – вчера у нас вы были гораздо веселее.

Вера. Он всегда печален, когда другие веселы.

Александр. Если вам угодно, я буду весел...

Вера. Пожалуйста – это любопытно посмотреть.

Александр. Что ж, извольте: не рассказать ли, как толстая жена откупщика потеряла башмак в собрании, это очень смешно, но вы так добры, что вам будет жалко. Рассказать, как князь Иван битых три часа толковал мне об устройстве новой водяной мельницы и сам махал руками наподобие ветряной; вы сами видели эту картину и не смеялись; повторить, что рассказывает он про своего дядю, как тот на 20 году от роду получил пощечину, 72 года всё искал своего неприятеля, на 92 нашел, замахнулся... и от натуги умер – это смешно только когда он сам рассказывает; наконец говорить мне свои глупости – вы к ним уж слишком привыкли, и они мне самому надоели больше, чем кому-нибудь.

Вера. Вы сегодня расположены к злости.

Александр. Право! – ну так оправдаю вашу догадку и расскажу, как наша соседка плакала, когда дочь отказала жениху с миллионом, потому что он только раз в неделю бреет бороду.

Юрий. Вот уж это было бы вовсе не смешно – и я бы на ее месте слег в постелью... миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени – господин миллион – тут всё.

Дмитрий Петрович. Полно, Юрий, это слишком по-петербургски.

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Юрий. Батюшка! везде так думают – и в Петербурге так говорят, но поверьте мне, женщина, отказавшая миллиону поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей в миллионе! наряды, подарки, вся утонченность роскоши извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь дружба... вы скажете, это будет всё один обман; но и без того мы вечно обмануты, так лучше быть обмануту с миллионом.

Дмитрий Петрович. Я не полагаю, чтоб многие так думали.

Юрий. Я знаю людей, которые поступают по этим правилам.

Вера (в сторону). Он меня мучит. (Громко) Пьер, ты хотел показать Дмитрию Петровичу, как убраны наши комнаты – и об чем-то с ним переговорить.

Князь. Ах точно – я имею до вас маленькую просьбу – насчет условия.

Дмитрий Петрович. К вашим услугам, князь.

(Уходят. Александр приближается к Вере и Юрий, с минуту молчание.)

Юрий (насмешливо). Да, княгиня, миллион вещь ужасная.

(Уходит. Она погружена в задумчивость.)

Александр (берет ее за руку). Вера – твой муж... все ушли, мы одни, вот уж сутки, как я жду этой минуты, я видел по твоему лицу, что ты хочешь мне что-то сказать – о, я читаю в глазах твоих, Вера,

(она отворачивается)

ты отворачиваешься; конечно у тебя на душе какая-нибудь новая, мучительная тайна, – скорей, скорей, влей ее в мою душу... там много ей подобных, и она с ними уживется. Какое-нибудь сомнение? что ж? ты знаешь, как искусно я умею разрешать все сомнения.

Вера. О! я помню.

Александр. Ты помнишь, сколько мне стоило труда уничтожить твой единственный предрассудок, и как потом ты мне была благодарна – потому что я люблю тебя. Вера, люблю больше чем ты можешь вообразить, люблю как человек, который в первый раз любим и счастлив.

Вера. Да, я слишком всё это хорошо помню.

Александр. Что это? упрек! раскаянье?.. и отчего же именно теперь, после двух лет!.. о! я не хочу угадывать, нет, это минута неудовольствия, ты чем-нибудь огорчена... и зная, как я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... хорошо, Вера, хорошо, продолжай – это тебя успокоит – я с радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательством твоей любви.

Вера (оборачивается). Я имею до вас одну просьбу!..

Александр (отступает шаг назад). Просьбу! вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств искренней нежности... похоже на проклятие. Посмотрим, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежит вам, зачем же тут слово: просьба? Нет жертвы, которой бы я не принес вашей минутной прихоти.

Вера. О, я не требую никакой жертвы!..

Александр. Тем хуже. Вера – большою жертвой я бы мог доказать тебе свою любовь.

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Вера (в сторону). Любовь – это несносно.

Александр. Вижу, я начинаю докучать тебе – не мудрено. Я глупец! зачем не употреблял я хитрости, чтоб удержать твое сердце, когда хитростью приобрел его!.. но что делать? я желал хоть один раз попробовать любви искренней, открытой..

(Молчание.)

говорите, что вам угодно.

Вера. Я хотела вас просить – чтоб вы – сказали вашему брату!

Александр. Брату?

Вера (скоро). Да, скажите ему, что он меня чрезвычайно обидел, намекая на богатство мужа моего, – вы сами знаете оттого ли я за него вышла... это было безумие, ошибка... скажите ему, просите его, чтоб он, ради прежней нашей дружбы не огорчал меня более... если это для вас не жертва, то прошу вас сказать ему...

(Молчание.)

Александр. Хорошо, Вера, я скажу... но это, вопреки тебе, будет служить доказательством моей нежности боле всего на свете.

Вера (протягивая руку). О, мой друг, как я тебе благодарна.

Александр. Нет, ради бога лучше не благодари. (Уходит, в сторону.) Конечно я ничего ему не скажу!..

Вера (одна). С нынешнего дня я чувствую, что я погибла!.. я не владею собою, какой-то злой дух располагает моими поступками, моими словами.

Князь (высунувшись из двери). Веринька, Веринька! venez ici [1] – посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича – завтра же куплю тебе такой же точно.

Вера (как бы проснувшись встает). О, боже! и всю жизнь слышать этот голос!..

Конец 1 акта
Действие второе
Сцена первая
(В комнатах князя Лиговского. Князь и Вера.)

Князь. Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар.

Вера. Очень мило – но тут есть новые камни.

Князь. Это любезность бриллианщика.

Вера. А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... с каждым днем делаешься милее...

Князь. Я рад, что угодил тебе.

Вера (в сторону). Угодил! – право, другой подумает, что он мой управитель.

Князь. Мне очень понравился второй сын Дмитрия Петровича, – не знаю как тебе.

Вера. Я его давно знаю.

Князь. Он веселого нрава.

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Вера. Слишком веселого.

Князь. Признаюсь, я сам таков и люблю посмеяться, и, право, ты наконец надоешь мне своей задумчивостью – а ведь Юрий Дмитрич недурен. Мне выражение лица его очень нравится.

Вера. Какая-то насмешливая улыбка – я боюсь говорить с ним.

Князь. Какое предубеждение – напротив, у него в улыбке-то именно есть что-то доброе, простое... я его раз видел, а уж полюбил... а ты?

Слуга (входит). Юрий Дмитрич Радин.

Юрий (входит). Князь, я почел обязанностью засвидетельствовать вам мое почтение...

Князь. Мы с женой постараемся превратить эту обязанность в удовольствие! – прошу садиться – а вы легки на помине – мы с женой сейчас лишь об вас говорили – ...и я ее выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лице есть что-то ядовитое, злое...

Юрий. Может быть, княгиня права. Несчастье делает злым.

Князь. Ха-ха-ха. Каким у вас быть несчастьям – вы так молоды.

Юрий. Князь! вы удивляетесь, потому что слишком счастливы сами.

Князь. Слишком! – о, да это в самом деле колкость – я начинаю верить жене.

Юрий. Верьте, прошу вас верьте – княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вера (быстро прерывает его). Скажите – вы прямо к нам – или были уж где-нибудь?

Юрий. Я сегодня сделал несколько визитов... и один очень интересный... я был так взволнован, что сердце и теперь у меня еще бьется, как молоток...

Вера. Взволнованы?..

Князь. Верно встреча с персоной, которую в старину обожали, – это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

Юрий. Вы правы – я видел девушку, в которую был прежде влюблен до безумия.

Вера (рассеянно). А теперь?

Юрий. Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу...

Князь. Пожалуйста – писанных романов я не терплю – а до настоящих страстный охотник.

Юрий. Я очень рад. Мне хочется также при ком-нибудь облегчить душу. Вот видите, княгиня. Года три с половиною тому назад я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве; лучше сказать, я был принят в нем как родной. Девушка, о которой хочу говорить, принадлежит к этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ее не описываю, потому что в этом случае описание сделалось бы портретом; имя же ее для меня трудно произнести.

Князь. Верно очень романтическое?

Юрий. Не знаю – но от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность. Я его храню, как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка.

Вера. Вы очень красноречивы.

Юрий. Тем лучше. Но слушайте: с самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно – и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах, одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее – частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки – много ли надо, чтоб разбудить таившуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей, как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее огненное плечо; но сама клялась любить меня вечно – мы расстались – она была без чувств, все приписывали то припадку болезни – я один знал причину – я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя – я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу убивственную для них – ни одна меня не привязала – и вот наконец я вернулся на родину.

Князь. Завязка романа очень обыкновенна.

Юрий. Для вас, князь, и развязка покажется обыкновенна... я ее нашел замужем, – я проглотил свое бешенство из гордости... но один бог видел, что происходило здесь.

Князь. Что ж? Нельзя было ей ждать вас вечно.

Юрий. Я ничего не требовал – обещания ее были произвольны.

Князь. Ветренность, молодость, неопытность – ее надо простить.

Юрий. Князь, я и не думал обвинять ее... но мне больно.

Княгиня (дрожащим голосом). Извините – но может быть, она нашла человека еще достойнее вас.

Юрий. Он стар и глуп.

Князь. Ну так очень богат и знатен.

Юрий. Да.

Князь. Помилуйте – да это нынче главное! ее поступок совершенно в духе века.

Юрий (подумав). С этим не спорю.

Князь. На вашем месте я бы теперь за ней поволочился если ее муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас еще любит.

Вера (быстро). Не может быть.

Юрий (пристально взглянув на нее). Извините, княгиня теперь я уверен, что она меня еще любит. (Хочет идти.)

Князь. Куда вы?

Юрий. Куда-нибудь.

Князь. Поедьте вместе на Кузнецкий (два слова на ухо).

Юрий. Извольте, куда хотите (выходят).

Князь. Прощай, Веринька. (Идет и в дверях встречает Александра.) Извините, Александр Дмитрич – а вот жена целое утро дома. (Уходит.)

(Александр входит медленно, смотрит то на них, то на Веру. Вера, опрокинув голову на спинку стула, закрыла лицо руками.)

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Александр (про себя). Он был здесь, она в отчаяньи – (глухо) я погиб.

Вера (открыв глаза). А! опять передо мною.

Александр. Опять и всегда, как жертва, на которую ты можешь излить свою досаду, как друг, которому ты можешь вверить печаль, как раб, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вера. О, поди, оставь меня... ты живой упрек, живое раскаяние – я хотела молиться – теперь не могу молиться.

Александр. Если б я умел молиться. Вера, то призвал бы на твою голову благодать бога вечного – но ты знаешь! я умею только любить.

Вера. Я ничего не знаю... уйди, ради неба, уйди.

Александр. Ты меня не любишь.

Вера. Я тебя ненавижу.

Александр. Хорошо! это немножко легче равнодушия – за что же меня ненавидеть... за что?... Говори за что!..

Вера. О, ты нынче недогадлив... ты не понимаешь, что после проступка может оставаться в сердце женщины искра добродетели; ты не понимаешь, как ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не сметь об этом думать, не сметь дать себе этого имени...

Александр. Да, понимаю! несносно для самолюбия.

Вера. Если б не ты, не твое адское искусство, если б не твои ядовитые речи... я бы могла еще требовать уважения мужа и по крайней мере смело смотреть ему в глаза...

Александр. И смело любить другого...

Вера (испугавшись). Нет, неправда, неправда, такая мысль не приходила мне в голову.

Александр. К чему запираться? – я не муж твой, Вера; не имею никаких прав с тех пор, как потерял любовь твою... и что ж мне удивляться!.. я третий, которому ты изменяешь – со временем будет и двадцатый!.. Если ты считаешь себя преступной, то преступления твои не любовь ко мне – а замужество; союз неровный, противный законам природы и нравственности... Признайся же мне, Вера: ты снова любишь моего брата?..

Вера. Нет, нет.

Александр. Если хочешь, то я уступлю тебя брату, стану издали, украдкой смотреть на ваши свежие ласки... и стану думать про себя: так точно и я был счастлив... очень недавно...

Вера. Да ты мучитель... палач... и я должна терпеть!..

Александр. Я палач? – я, самый снисходительный из любовников?... я, готовый быть твоим безмолвным поверенным – плати только мне по одной ласковой улыбке в день?... многие плотят дороже. Вера!

Вера. О лучше убей меня.

Александр. Дитя, разве я похож на убийцу!

Вера. Ты хуже!

Александр. Да!.. такова была моя участь со дня рождения... все читали на моем лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было... но их предполагали – и они родились. Я был скромным, меня бранили за лукавство – я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло – никто меня не ласкал, все оскорбляли – я стал

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
злопамятен. Я был угрюм – брат весел и открыт – я чувствовал себя выше его – меня ставили ниже – я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир – меня никто не любил – и я выучился ненавидеть... Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с судьбой и светом. Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца... они там и умерли; я стал честолюбив, служил долго... меня обходили; я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни – а видел, как другие без искусства счастливы: в груди моей возникло отчаянье, – не то, которое лечат дулом пистолета, но то отчаянье, которому нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни; наконец я сделал последнее усилие, – я решился узнать хоть раз, что значит быть любимым... и для этого избрал тебя!..

Вера (смотря на него пристально). О боже!.. и ты надо мной не сжалился.

Александр. Бог меня послал к тебе, как необходимое в жизни несчастье. Но для меня ты была ангелом спасителем. Когда я увидел возможность обладать твоей любовью – то для меня не стало препятствий; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаянья я уцепился за эту райскую мысль... Все средства были хороши, я, кажется, сделал бы самую неслыханную низость, чтоб достигнуть моей цели... но вспомни, вспомни, Вера, что я погибал... нет, я не обманул, не обольстил тебя... нет, было написано в книге судьбы, что я не совсем еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вера! никто на свете меня не разуверит – никто не вырвет у меня из души воспоминаний о моем единственном блаженстве! О как оно было полно, восхитительно, необъятно... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих... а теперь плачу, как ребенок, плачу... когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. (Упадает на колени и хватает ее руки). О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.

Вера. Послушай, Александр, послушай... что же мне делать?... мне жаль, но я не люблю тебя, не могу, не могу больше любить, – я всегда ошибалась – мы не созданы друг для друга... что же мне делать...

(Александр встает.)

Послушай, забудь, оставь меня... или нет, я уеду, далеко, далеко... не обращай на меня вниманья, – я не ангел – я слабая, безумная женщина... я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. презирай меня, если тебе от этого будет легче – но оставь, не мучь...

Александр. Хорошо, хорошо, Вера... я тебя оставляю – ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взор, мой слух будут вечно с тобой – когда ты будешь весела и довольна, то я об себе не напомним, но в минуты печали я буду тебе являться – и ты утетишься, видя, что есть на свете человек, который несчастнее тебя!..

Вера. Но зачем же, зачем... попробуй полюбить другую – я знаю много женщин, которым ты нравишься... а меня оставь жить как судьбе угодно!.. что может быть между нами общего – без любви... я тебя прощаю!.. прощаю от всего сердца.

Александр. Какое великодушие!..

Вера. Обещаюсь забыть все мучения, которым ты был причиной.

Александр. И ты думаешь обмануть меня! и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю в глубине души твоей? меня обмануть? да знаешь ли, что это почти невозможно... ты выбрала минуту слабости – ты думала, что слезы помешают мне видеть всю тонкость твоего намерения! Я знаю, что ты хочешь избавиться от моего надзора, как от любви моей – чтоб на свободе отдать мое место другому – эта мысль еще не развилась в уме твоём, ты говоришь по какому-то невольному побуждению... но я вижу эту мысль во всей ее ужасной наготе... и этого не будет... нет, что хоть раз мне принадлежало, то не должно радовать другого... а этот другой – мой брат Юрий. Слышишь ли, я и это знаю.

Вера (с гордостью). Такое подозрение слишком обидно... с сей минуты мы чужды друг другу... прощайте, я вас не знаю – позволяю вам мстить всеми возможными, даже низкими средствами.

Александр. Как, неужели и ты, и ты не нашла в душе моей ничего благородного...

Вера. Не знаю.

Александр. О!..

Вера. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру.

(Упадает на кресла.)

Александр. Я иду... только он никогда не будет твоим – никогда... (Подойдя к двери, оборачивается) слышишь ли, никогда.

Конец 2 акта
Действие третье
Сцена первая

(Дмитрий Петрович входит. Александр его ведет под руку и сажает.)

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрий Петрович. Старость, брат, старость – пора убираться... да ты что-то мне хотел сказать.

Александр. Да, точно... есть одно дело, об котором я непременно должен с вами поговорить.

Дмитрий Петрович. Это, верно, насчет процентов в Опекунский совет... да не знаю, есть ли у меня деньги...

Александр. В этом случае деньги не помогут, батюшка.

Дмитрий Петрович. Что же такое...

Александр. Это касается брата...

Дмитрий Петрович. Что?.. что такое с Юринькой случилось?

Александр. Не пугайтесь, он здоров и весел.

Дмитрий Петрович. Не проигрался ли он?

Александр. О нет!

Дмитрий Петрович. Послушай... если ты мне скажешь про него что-нибудь дурное, так объявляю заранее... я не поверю... я знаю, ты его не любишь!

Александр. Итак, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дмитрий Петрович. Ты во всех предполагаешь дурное.

Александр. Я молчу, батюшка.

Дмитрий Петрович. Видно, я правду говорю – коли ты не смеешь и защищаться!..

Александр. Я чувствую, что человеку не дано силы противиться судьбе своей!

Дмитрий Петрович. Ты меня выведешь из терпения... ну скажи что ли скорее, что ты еще открыл, – в чем предостерегать!..

Александр. Юрий влюблен в княгиню Веру.

Дмитрий Петрович. Да, я сам подозреваю, что он не совсем ее забыл... а она?

Александр. Она – его любит страстно – о, я это знаю... я имею доказательства... я вам клянусь честью... спасите хоть ее. – Еще два, три дни... и она не будет в силах ни в чем противиться... вы до этого не допустите брата.

Дмитрий Петрович. Да, да, – это нехорошо... но Юрий не захочет, не решится.

Александр. А минута страсти, самозабвения?.. одна минута?

Дмитрий Петрович. Это нехорошо... ты прав... благодарю, что сказал... да что же делать? поговорить разве Юрию.

Александр. О, это хуже всего... он уже слишком далеко зашел... надо, чтоб князь уехал... потом брату кончится отпуск... и они никогда, по крайней мере долго не увидятся...

Дмитрий Петрович. Бедная женщина!..

Александр. О, если б вы видели, как она страдает в борьбе с собою... но я знаю... еще несколько дней... и она погибнет!..

Дмитрий Петрович. Я хвалю тебя, Александр!.. ты всегда был строгих правил, хотя не очень чувствителен... но как же быть?

Александр. Предупредить князя! – сказать ему просто!..

Дмитрий Петрович. Рассорить его с женой?..

Александр. Он благоразумный и добрый человек... скажите ему только, что Юрий влюблен в княгиню... это ваш долг, долг отца и честного человека... объясните ему, что вы нимало не подозреваете его жены... но что, живя в одном доме, ее репутация может пострадать – брат может проболтаться, похвастаться двусмысленным образом – из самолюбия... мало ли!.. одним словом, князь должен уехать...

Слуга (входит). Князь Лиговский.

Дмитрий Петрович. Надо подумать... как же так опрометчиво поступать – надо бы подумать.

Александр. Минуты дороги... вы видите, сама судьба его вам посылает.

(Входит князь.)

Князь. А я сейчас с Кузнецкого моста, покупал всё жене наряды к празднику... столько хлопот, что ужась... вот эти молодые люди не знают, что такое жениться.

Дмитрий Петрович. Приятно со стороны смотреть, как вы любите вашу супругу, князь.

Князь. Я жену очень люблю – однако видите, я со всем тем муж благоразумный, – хочу, чтоб меня слушались, и в случае нужды имею твердость – о, я очень тверд! Как вы нынче в своем здоровье?

Дмитрий Петрович. Благодарю... я нынче что-то слаб... и к тому же расстроен... ох, дети, дети!

Князь. Расстроены... помилуйте, вы, кажется, так счастливы детьми.

Дмитрий Петрович. Это правда... но иногда и самые лучшие дети делают глупости.

Князь. Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно...

Дмитрий Петрович. Ничего, князь – напротив... это дело даже больше касается до вас, нежели до меня.

(Александр делает знак отцу и уходит.)

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Князь. До меня?..

Дмитрий Петрович. Мой долг повелевает мне сказать... но я не знаю, как решиться.

Князь. Разве это что-нибудь...

Дмитрий Петрович. Вот видите, я не знаю, как вы примете.

Князь. Да разве?..

Дмитрий Петрович. Успокойтесь – это еще не опасно.

Князь. Слава богу... так еще не опасно – уф!..

Дмитрий Петрович. Мой сын Юрий...

Князь. Юрий Дмитрич? он со мной никаких не имел сношений!..

Дмитрий Петрович. Я не говорю, чтоб он имел сношение с вами – или с кем-нибудь из вашего дома, – но ваша жена... еще до замужства... ее красота, любезность!..

Князь. Вот видите, Дмитрий Петрович... я этих достоинств еще сам в ней хорошенько не рассмотрел... не потому говорю так, что она моя жена – но ведь я не поэт! о вовсе не поэт!.. я женился потому, что надо было жениться – женился на ней потому, что она показалась мне доброго и тихого нрава – люблю ее потому, что надобно любить жену, чтоб быть счастливу!.. я вас прервал, пожалуста, продолжайте!

Дмитрий Петрович. Это не так легко, князь.

Князь. Прошу вас, для меня себя не принуждайте.

Дмитрий Петрович. Одним словом, мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужства, – и, кажется, был несколько ей приятен.

Князь. О, я уверен, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрий Петрович. К сожалению не прошла! со стороны моего сына.

Князь. Тем хуже для него.

Дмитрий Петрович. Я боялся, чтоб это и вам было неприятно! – по долгу честного человека решил вас предупредить, на всякий случай...

Князь. Лишь бы жена была мне верна – больше я и знать не хочу!

Дмитрий Петрович. Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

Князь. И я также.

Дмитрий Петрович (со вздохом). Вы очень счастливы...

Князь. Не спорю-с (вдруг, как бы вспомнив что-то, хватая себя за голову и вскакивает); о, я дурак – о, я пошлая дурачина... о, глупая ослиная голова... вы правы – а я дубина!.. теперь вспомнил... о, пошлая недогадливость!.. теперь понимаю... понимаю... этот анекдот!.. всё было на мой счет сказано... а я, сумасшедший – ему же советую волочиться за моей женой – а ее смущение... ведь надо было мне жениться – в 42 года! с моим добрым, простосердечным нравом – жениться!..

Дмитрий Петрович. Успокойтесь – прошу вас, всё еще поправить можно.

Князь. Нет, никогда не успокоюсь (садится).

Дмитрий Петрович. Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына: он легко может надеть глупостей – и невинным образом в свете компрометировать княгиню, – притом она молода – может завлечься невольно... скажут, что живя в одном доме...

Князь. Вы правы – посудите теперь! ну не несчастнейший ли я человек в мире.

Дмитрий Петрович. Утешьтесь... я очень понимаю ваше положение – но что же делать.

Князь. Что делать? – вот видите, я человек решительный – завтра же уеду из Москвы в деревню – нынче же велю всё готовить.

Дмитрий Петрович. Это самое лучшее средство – самое верное – тихо, без шуму...

Князь. Да, тихо, без шуму!.. уехать из Москвы, зимой, накануне праздников – вот женщины! о, женщины!.. Прощайте, Дмитрий Петрович, прощайте – о, вы увидите, что я человек решительный!

Дмитрий Петрович. Не взыщите, я говорил от сердца, князь – по-стариковски – притом я всегда был строгих правил...

(Хочет встать.)

Князь. Не беспокойтесь – вы истинный мой друг – прощайте... о, я человек решительный!.. (Уходит.)

Дмитрий Петрович. Ну, слава богу, с плеч долой – всё уладил – ох, дети, дети...

(Юрий входит и хохочет во всё горло.)

Юрий. Вообразите, ха-ха-ха-ха... нет, я век этого не забуду... князь, ха-ха-ха! я подаю ему руку и говорю, здравствуйте, князь... что нового... а он – ха-ха-ха! скорчил кошачью мину и руку положил в карман: ничего-с – к несчастью, всё старое... потом шаг назад и стал в позицию... я скорей бежать, чтоб не фыркнуть ему в глаза... не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрий Петрович. А ты хочешь волочиться за женой и чтоб муж тебе в ноги кланялся! кабы в наше время, так ему бы надо тебя не так еще проучить.

Юрий (серьезно). я волочусь за его женой? кто ему это сказал?

Дмитрий Петрович. Ну, ведь признайся: ты в нее влюблен?..

Юрий. Он о прежнем ничего не знает и слишком глуп, чтоб теперь догадаться.

Дмитрий Петрович. Долг всякого честного человека был ему сказать!

Юрий. А позвольте: кто ж этот чересчур честный человек?

Дмитрий Петрович. А если б даже я.

Юрий. Вы, батюшка?

Дмитрий Петрович. Да, я не терплю безнравственности, беспутства... в мои лета трудно смотреть на такие вещи молчать... хороший отец должен удерживать сына от бесчестных поступков – а если сын его не слушает, то мешать ему всеми средствами...

Юрий. А, так вы ему сказали.

Дмитрий Петрович. Да, не прогневайся – и князь завтра же увозит жену в деревню.

Юрий. О! это нестерпимо!

Дмитрий Петрович. Вздор, вздор!.. что такое за упрямство, будто нет других женщин.

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Юрий. Для меня нет других женщин... я хочу, хочу... да знаете ли, батюшка, что это ужасно... кто вам внушил эту адскую мысль!

Дмитрий Петрович. Кто внушил!.. и ты смеешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любит больше жизни, тобою только и дышит – вот благодарность! разве я так уж стар, так глуп, что не вижу сам, что дурно, что хорошо!.. нет, никогда не допущу тебя сделать дурное дело, – опомнись, сам будешь благодарен и попросишь прощения.

Юрий. Никогда!.. прощения!.. мне еще вас благодарить – за что? Вы мне дали жизнь – и теперь ее отняли – на что мне жизнь?.. я не могу жить без нее – нет, я вам никогда не извиню этого поступка.

Дмитрий Петрович. Юрий, Юрий – подумай, что ты говоришь.

Юрий. Я не уступлю – борьба начинается – я рад, очень рад! посмотрим – все против меня – и я против всех!..

Дмитрий Петрович. Сжался, Юрий, над стариком – ты меня убиваешь.

Юрий. А вы надо мною сжалились – вы пошутили – милая шутка.

Дмитрий Петрович. О, ради бога перестань!

Юрий. Князь завтра едет, а нынче вера будет моя. (Идет к столу.)

Дмитрий Петрович. Александр! Александр! он убил меня – мне дурно!

(Александр вбегает, подымает и ведет его под руку.)

Он злодей – он убил меня!..

Юрий (один). Нынче она будет моя – нынче или никогда... они хотят у меня ее вырвать – разве я даром три года думал об ней день и ночь – три года сожалений, надежд, недоспанных ночей, три года мучительных часов тоски глубокой, неизлечимой – и после этого я ее отдам без спору, и в ту самую минуту, когда я на краю блаженства – да как же это возможно! (Пишет записку и складывает.) Кажется, так оно удастся. (Отворяет дверь и кличет) Ванюшка!

(Входит молодой лакей в военной ливрее.)

Послушай! от твоего искусства теперь зависит жизнь моя...

Ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вам всеми силами рад служить.

Юрий. Когда ты сделаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Если же нет – ты погиб!

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Видишь эту записку – через час, никак не позже она должна быть в руках у княгини Лиговской.

(Александр показывается в другой двери.)

Ванюшка. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дело – я познакомился уж с ее горничною, – а у нас в пустой половине такие закоулки, что можно везде пройти днем так же безопасно, как ночью...

два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Юрий. Я на тебя надеюсь – только смотри не позже как через час (уходит).

Ванюшка. Через пять минут, сударь... (про себя) мы с барином, видно, не промахи – четыре дни как здесь, а уж дела много сделали (хочет идти).

Александр (подкрался сзади и схватывает его за руку). Постой!

Ванюшка (испуганный). Что это вы, барин!

Александр. У тебя вот в этой руке записка...

Ванюшка. Никак нет-с.

Александр (хочет взять). А вот увидим.

Ванюшка. Я закричу-с, ваш братец услышит!

Александр (в сторону). Попробую другой способ! (Ему) Видишь вот этот кошелек, в нем 20 червонцев – они твои – если ты дашь мне ее прочесть – так, из любопытства.

Ванюшка. Только никому сами не извольте сказывать.

Александр. Я буду молчалив, как могила (высыпает деньги в руки).

Ванюшка. А если изорвете, сударь, – так я скажу своему барину.

Александр (про себя). Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. (читает) «Ваш муж всё знает... Я вас люблю больше всего на свете, вы меня любите, в этом я также уверен... Сегодня вечером в 12 часов я должен с вами говорить, будьте в этот час в большой зале пустой части дома; вы спуститесь по круглой лестнице и пройдете через коридор – если через 2 часа я не получу желаемого ответа, то иду к вашему мужу, заставляю его драться и, надеюсь, убью. В этом клянусь вам честью... ничто его не спасет в случае вашего отказа. – Выбирайте». А! искусно написано!..

Ванюшка. Пожалуйста, сударь, записку, мне пора.

Александр. А если я ее изорву – говори, что ты хочешь за это – всё, что попросишь... тысячу – две?..

Ванюшка. И миллиона не надобно-с.

Александр. Я тебя умоляю!..

Ванюшка. Вот видите, сударь – мне велено ее отнести и я отнесу; об том, чтоб ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вам показал.

Александр (подумав). Хорошо, отнеси ее.

(Слуга уходит.)

(Про себя) Я все-таки найду средство им помешать.

Конец 3 акта
Действие четвертое
Сцена первая

(Большая заброшенная комната; развалившийся камин. С левой стороны виден коридор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестница; направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон. Лунное освещение.)

Александр (входит с правой стороны из двери и запирает их ключом. Он в широком плаще). Хоть стар замок – а не скоро его сломаешь... и куда я здесь царь!.. жалкая власть! жалкое удовольствие, украденное из рук судьбы... и горькое, как хлеб нищего – зато я по крайней мере, хотя против ее воли, но еще раз прижму ее к груди своей; мой огненный поцелуй, как печать, останется на устах ее – и она

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
будет мучиться этой мыслью; оно так и следует: вместе были счастливы, вместе и страдать! В темноте под этим плащом она не скоро меня узнает! Может быть, даже вероятно, что мне удастся под чужим именем выманить два-три ласковые слова... О! какой ангел внушил мне эту мысль – бог, видимо, хочет вознаградить меня за 30-тилетние муки, за 30 лет жизни пустой и напрасной. (Задумывается.) Да, мне 30 лет, ...а что я сделал; зачем жил?.. говорят, что я эгоист; итак, я жил для себя?.. Нет... я во всем себе отказывал, вечно был молчаливой жертвой чужих прихотей, вечно боролся с своими страстями, не искал никаких наслаждений, был сам себе в тягость – даже зла никому умышленно не сделал... итак, я жил для других? – также нет.. я никому не делал добра, боясь встретить неблагодарность, презирал глупцов, боялся умных, был далек от всех, не заботился ни о ком – один, всегда один, отверженный, как Каин – бог знает, за чье преступление – и потом один раз встретить что-то похожее на любовь – один только раз – и тут видеть, знать, что я обязан этим искусству, случаю, даже, может быть лишней чашке шоколаду, – наконец против воли предавшись чудному, сладкому чувству – потерять всё – и остаться опять одному с ядовитым сомнением в груди, с сомнением вечным, которому нет границы (ходит взад и вперед). Отчего я никогда не могу забыть? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего самые обыкновенные чувства у меня так мертвы? Отчего теперь в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна... я, право кажется, мог бы теперь с любым глупцом говорить битый час о погоде, – видно, я так создан, видно, недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... о! лучше бы уж я родился слеп, глух и нем... обо мне бы по крайней мере сожалели.

(Вера показывается на лестнице.)

Это она... так точно – теперь я должен призвать на помощь всю свою твердость.

Вера. Его еще нет... темно, страшно... боже! как я могла решиться... но что ж делать, я его знаю – он сдержал бы свое обещание – у меня сердце бьется, как молоток – шорох, о, кто это... Юрий!..

Александр (берет ее за руку). Это я!..

Вера. Довольны ли вы... что может сделать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня таким средством.

Александр. Я также выбрал между жизнью и смертью.

Вера. Решившись вам повиноваться, я решила также вас забыть...

Александр (хочет ее обнять). О, это женская хитрость.

Вера. Нет... нет – я вам скажу также, что я люблю вас.

Александр. Меня одного?

Вера. Одного, клянусь небом! Я могла заблуждаться – но теперь чувствую, что сердце мое никогда не изменялось.

(Александр вздыхает.)

Однако несмотря на это мы должны расстаться навсегда... мне трудно так же, как и вам, об этом думать – но теперь мы будем благоразумнее, чем в минуту первой разлуки нашей – я уж не могу быть счастлива – но спокойствие для меня еще возможно – оставьте мне хоть это!..

Александр. У меня и этого не останется.

Вера. Верьте мне, женщина благородная может на минуту забыть свой долг, но всегда приходит время, когда она чувствует, что должна возвратиться к нему – время это для меня настало – никакое искусство – никакие угрозы не поколеблют моей твердости. Юрий! – дайте мне руку, обещайте как другу, как женщине, которой постоянно мыслью были вы; обещайте никогда не покушаться оторвать какую бы то

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
ни было женщине от ее обязанностей – это ужасно, Юрий! это иногда хуже убийства.

Александр. О, молю, один прощальный поцелуй.

Вера. Нет, расстанемся друзьями – зачем такое испытание!

Алекс андр. Я буду покорен во всем – только один поцелуй – ты непременно должна – непременно – один – только один – и потом пусть между нами обрушится вечность.

(Увлекает и целует ее – луч месячный упадает на его лицо, и она узнает... вскрикивает громко.)

Вера. О! опять он – опять!

Александр. Я уж сказал тебе, опять и всегда – никто не займет моего места.

Вера. Это обман неслыханный, – пусти, пусти мне руку... я к тебе чувствую отвращение!..

Александр. Знаю, знаю всё – но ты не уйдешь отсюда – и ты подумала, что я не останусь верен своей клятве... да, я здесь – а твой страстный любовник теперь сидит крепко за двумя замками... видишь эту дверь, за нею еще дверь... они обе заперты... он должен сломать замки... может быть, это ему и удастся... но тогда он увидит тебя в моих объятиях...

Вера. Боже мой, боже мой! я должна была знать, что он на всё способен!

Александр. Ха, ха, ха – разве ты этого прежде не знала! разве год тому назад, когда ты в упоении страсти лежала в моих объятиях, когда твои поцелуи горели на губах моих, разве тогда еще я не предварял тебя? Разве я не говорил: Вера, ты любишь человека ужасного, который не имеет ничего святого, кроме тебя, и то пока он любим, человека с душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничем не дорожит, – разве я не говорил: берегись, ты будешь раскаиваться... но ты не верила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу – мне шутить в такие минуты! – ты думала, что я всё это говорил, чтоб показаться интересным, удивить тебя, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоисма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты... потому что тогда кровь волновалась в твоих жилах, тебе нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нежность, покуда, на время, до появления другого достойнейшего... не дрожи, не поднимай глаза к небу... наказание упало тебе оттуда... ты не мученица добродетели, не жертва страсти и обмана... ты просто слабая, ветреная, непостоянная женщина... ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трех человек, одному назначила покорность, другому вздохи и признания, третьему, самому послушному, ты назначила мучения ревности, пытки презрения, муки любви отверженной, обманутой – и этот последний теперь мстит за себя.

Вера (упадая на колени). Не подходи, не подходи...

Александр (подымая ее за руку). Встаньте, не унижайтесь, княгиня – до такой степени... после вашей надменности, это уж слишком смешно... На коленях, и перед кем? Одумайтесь – что это! страх! чего же вы боитесь? времена кинжалов прошли – разве я вам угрожаю?

Вера (почти без чувств). Я не переживу этого.

Александр. Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоём будет играть улыбка, волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце воем будет пусто и светло...

(Слышен стук отломанного замка.)

Вера. Это Юрий – он идет сюда.

Александр. Наконец!

(Вера хочет убежать.)

Постой!.. мне пришла мысль, – зачем оставлять дело неконченным – я хочу, чтоб он нашел тебя в моих объятиях, чтоб он наслаждался приятной картиной – это было бы божественно, как ты думаешь!.. (Обнимает ее.)

Вера. Мне всё равно – делай, что хочешь – у меня нет сил противиться.

Александр. Слышишь – вот его шаги... последний замок сейчас разлетится... бешенство удваивает его силы.

(Молчание.)

Нет, я вижу – это уж слишком много для тебя – обморок? – пустое. Я хочу, чтоб ты с ним говорила – останься здесь – скажи ему, что ты его не любишь – не любишь нисколько... я отойду в сторону... слышишь ли, отвергни его ласки так же холодно, как мои – иначе я стану между вами, и тогда горе вам обоим.

(Отходит и прячется – дверь с треском отворилась, и входит Юрий.)

Юрий. А! меня заперли – это не даром – это с умыслом сделано – но кто же? брат? – зачем ему... о, если я опоздал... Вера!.. ничего не слышно... чу! шорох платья... она здесь – здесь, Вера! (подходит и видит). О, как я счастлив (берет ее за руку). Вера, княгиня – простите меня.

Вера (слабо). Вас... я прощаю...

Юрий. Это был миг сумасшествия... но я хотел вас видеть перед тем, чтоб расстаться снова – и может быть навсегда – я хотел... о, я сам не знаю чего... да, только вас видеть, только... я надеялся, я полагал – что вы не можете любить вашего мужа потому что он не стоит вас... я хотел найти вам в уме своем извинение... я даже... мечтал, что вы меня еще любите.

Вера. Вы совершенно ошиблись.

Юрий. Однако вы здесь, – вы не хотели огорчить меня – вы здесь – ваша рука горит в руке моей – женщина не любя не сделает этой жертвы...

Вера. Вы правы, я пожертвовала собой из любви – но не к вам.

Юрий. Вы хотели спасти мужа.

Вера. Да...

Юрий (обида). Если так, то прошу от меня его поздравить.

Вера (после молчания). Забудьте меня.

Юрий. Я не ожидал такого приветствия.

Вера. Чего ж вы ожидали?

Юрий. В вас нет и тени той женщины, которая некогда любила меня так нежно, которой обязан я лучшими минутами в жизни... отчего ж бы, кажется, им не воскреснуть – зачем дарить сокровище тому, кто ему не знает цены, – а я, я так долго живший одной надеждой обладать им – я брошен в сторону – со мной поступают, как с игрушкой, то кидают огненный взор, то ледяное слово...

Вера. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрий. Боже! как вы переменились – бывало вам стоило подумать, и я уж знал эту

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
мысль – пожелать – и я невольно желал того же – бывало нам почти не нужно было слов для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я вас не понимаю.

Вера. О! слава богу.

Юрий. Слава богу... ужель вы хитростью хотели избавиться от моей любви – обманом испугать меня – этому не бывать... вы теперь в моей власти... я не упущу этого случая... теперь или никогда – вы моя, вы будете моею... судьба этого хочет...

Вера. Юрий, Юрий! – одна минута восторга и веки раскаяния.

Юрий. Я не буду раскаиваться.

Вера. А я?

Юрий. Вы меня любите.

Вера. Я слабая женщина... я имею обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Юрий. Ты об нем забудешь в моих объятиях.

Вера. Пощадите...

Юрий. Не доводи меня до крайности... я за себя не ручаюсь.

Вера. Шорох... нас подслушивают... здесь кто-то есть...

Юрий. Шорох... кто же смеет... (Осматривается.)

Вера (убегает). Прощай, Юрий... прощай.

Юрий (бежит за нею). Нет, я вас не пущу... невозможно... я не хочу так расстаться.

(В двери хватает ее за руку и падает на колени; Александр является.)

Вера (указывая пальцем на Александра). Уйдите – уйдите! это он... опять он!.. (Убегает.)

Юрий (оборачивается). А! – что такое!..

Александр. Свидетель твоих глупостей!..

Юрий. Этого свидетеля можно достойно наградить за труды.

Александр. Его награждение... здесь. (Указывает на сердце)

Юрий. Брат... с этой минуты – ярываю узы родства и дружбы – ты мне сделал зло – невозвратимое зло – и я отомщу!..

Александр (холодно). Каким образом?

Юрий. Ты мне заплотишь.

Александр (улыбаясь). С удовольствием – только чем?

Юрий (в бешенстве). Ценою крови...

Александр. В наших жилах течет одна кровь.

Юрий. Подслушивать – так коварно отравлять чужое счастье... знаешь ли, что это дело подлецов...

Александр. А обольщать жену другого...

Юрий. Она меня любит.

два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru

Александр. Неправда... разве это видно из ее поступков...

Юрий. Я знаю, что она меня любит... любила меня одного...

Александр. А я знаю кое-что другое.

Юрий. Что ты знаешь? Говори, сейчас говори!..

Александр. Я знаю, что в твоём отсутствии она имела любовника.

Юрий. клевета – низкая клевета.

Александр. Я тебе покажу письма...

Юрий. Кто же он... назови его мне...

Александр (подумав). Изволь, я тебе его назову.

Юрий. Сейчас – сию минуту.

Александр. Завтра... когда она уедет. (Уходит.)

Юрий (задумчиво). Что если он говорит правду!..

Конец 4 акта

Действие пятое

Сцена первая

(Комната князя. Он сидит. Перед ним управитель с бумагами.)

Управитель. Ваше сиятельство, честь имею рабски донести, что всё в подмосковной готово для принятия вашего сиятельства – и дом отоплен – и обоз должен сегодня туда приехать.

Князь. Хорошо... ты останешься здесь и сдашь квартиру... нынче, часа через два мы едем – вели укладывать карету...

Управитель. Слушаю-с – да что ваше сиятельство изволили так на Москву прогневаться...

Князь. Не твое дело рассуждать – дурачина.

Управитель. Слушаю-с, ваше сиятельство.

(Вера входит.)

Княгиня изволила пожаловать.

Князь. Пошел вон.

(Управитель уходит.) (Жене)

Я очень рад, сударыня, что вы пришли – сделали мне эту честь – очень рад, в восторге... я должен с вами поговорить – сделайте милость, садитесь.

Вера. Что вам угодно?

Князь. Если б вы всегда мне делали этот вопрос, то было б лучше.

Вера. Вы этого не требовали...

Князь. Тогда было другое – тогда я был ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка, – только вы не умели ценить этого, сударыня... чего я не

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
делал?.. надобны бриллианты – и бриллианты являются, – бал? – и бал готов, –
коляски, кареты, шали, шляпы – я для вас разорялся, сударыня.

Вера. Я всегда была благодарна.

Князь. И из благодарности сами хотели мне подарить головной убор, в новом вкусе.

(Вера хочет встать.)

Сидите – останьтесь... Я ваш муж, и теперь попробую приказывать – одним словом,
мы нынче едем в подмосковную – а как только будет можно, то оттуда в Симбирскую
деревню...

Вера. Я пришла вас просить не откладывать отъезда.

Князь. Сами просите!.. вот новость!.. знаете ли, что это очень хитро – тут
что-нибудь кроется... и я, право – из любопытства в состоянии остаться.

Вера. Нет – вы этого не сделаете – это невозможно... мы должны ехать – сегодня же
– сейчас... – Я вас умоляю.

Князь (про себя). Хоть убей не понимаю! (ей) я хочу знать, сударыня, отчего вы
желаете ехать так скоро...

Вера. Я не могу вам этого объяснить...

Князь. Не можете – и не надо – я сам догадываюсь... вы желаете доказать мне, что
вы добродетельная супруга, которая избегает своего любовника – а мне, сударыня,
известно, что вы любите сами Юрия Дмитрича – мне известно...

Вера. Нет, нет – я его не люблю... но боюсь...

Князь. Полюбить его?

Вера. Женское сердце так слабо...

Князь. И так обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кроме
меня...

Вера. Я всегда старалась не подать вам повода думать...

Князь. Теперь я буду стараться... запру вас в степной деревне, и там извольте
себе вздыхать, глядя на пруд, сад, поле и прочие сельские красоты, а подобных
франтиков за версту от дому буду встречать плетьюми и собаками... ваша любовь мне
не нужна, сударыня – я, слава богу, не так глуп, но ваша честь – моя честь! о, я
отныне буду ее стеречь неусыпно.

Вера. Я решилась искупить вину свою – беспредельной покорностью.

Князь. Образумиться надо было немного раньше.

Вера. Конечно, это было не в моей власти.

Князь. Что же! – судьба, во всем виновата судьба! – вот модные романы – вот
свободные женщины – философия – чорт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для
меня, от этого всё зло!.. Отныне не дам вам ни одной книги в руки – извольте
заниматься хозяйством.

Вера. Я сказала, что буду покорна во всем – только прошу одного ради бога –
никогда не напоминайте мне о прошедшем... я буду вашей рабой, каждая минута моей
жизни будет принадлежать вам... только не упрекайте меня...

Князь. Вот мило – вот хорошо!.. нет, сударыня, отныне делаю всё вам напротив, вы
хотите обедать – я велю подавать завтрак, хотите ехать – я сажу дома, хотите
сидеть дома – везу на бал... я вам отплачу, вы узнаете, что значит кокетничать,
может быть, верно больше... с петербургскими франтиками, имея такого мужа, как

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
я! (Уходит.)

Вера. И вот мне раскрылась целая жизнь страданий – но решилась терпеть, и буду терпеть до конца!

(Входит Слуга.)

Слуга. Князь приказал вам доложить, ваше сиятельство – что извольте дескать одеваться – возок закладывают.

Вера. Скажи, что я иду. (Уходит.)

Сцена вторая

(Комнаты у Дмитрия Петровича, Дмитрия Петровича несут на креслах. Александр входит.)

Дмитрий Петрович. Так, так, – остановитесь здесь – я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты – в той комнате темно, страшно, как во гробе – здесь тепло – здесь, может быть, снова жизнь проснется во мне... Дети... Юрий – где вы... ушли – никого.

Александр. Я возле вас, батюшка!

Дмитрий Петрович. Друг мой, я умираю – я заметил, как доктор нынче покачал головой и уехал, не сказав ни слова. Ты говорил с доктором?

Александр. Нет, батюшка.

Дмитрий Петрович. Ты боялся спросить... ты был всегда добрый сын – не правда ли, ты любил меня... где Юрий?..

Александр. Его здесь нет. (Уходят за Юрием по знаку Александра.)

Дмитрий Петрович. Ради неба – позовите его – моего милого Юрия... я умираю... хочу его благословить... он верно, не знает, что я так дурен, верно ты не сказал ему.

Александр. Я боялся его огорчить.

Дмитрий Петрович. Так, стало быть, я в самом деле так близок к смерти.

Александр (отвернувшись). Не знаю, батюшка...

Дмитрий Петрович. О! ты камень – когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения.

Александр. О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрий Петрович. Тебе не жаль меня – ты даже не просишь моего благословения.

Александр (Юрий входит в волнении). Батюшка – вот пришел брат...

Юрий (подходит). (Про себя) Боже мой! как он переменялся со вчерашнего дня...

Александр (Юрию). Он умирает... и ты убил его...

Юрий (закрыв лицо). О! говорить это... и в такую минуту!..

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я у ваших ног (стоя на коленях подле него).

Дмитрий Петрович. Я тебя прощаю – и благословляю отцовским благословением.

Александр (отходя к окну). А мне простить нечего, надо мной нельзя показать

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
великодушия... и потому нет благословения! (Стоит у окна.)

Юрий (встает). Батюшка, я перед вами злодей – я недостоин.

Дмитрий Петрович. Полно, полно – пылкость, ребячество – я это понимаю – но мне было больно...

Федосей (за столом Юрию). Уговорите его, барин, лечь в постель, ему так сидеть трудно – посмотрите, лишается чувств, ослабеваает.

Юрий. Погоди – надо дать успокоиться.

Дмитрий Петрович (слабо). Я ничего не вижу – здесь ли ты, Юрий – свет бежит от глаз моих... пошлите за священником.

Юрий. Он без чувств, руки холодны.

Федосей (Юрию). Вот уж дней с пять, сударь, как с ними это часто бывает.

Юрий. Боже, сколько мучений!.. здесь умирающий отец... там...

Александр (хватает брата за руку и тащит к окошку). Посмотри... посмотри – вот она выходит на крыльцо. Даже сюда не смотрит – бледна!.. но что за диво, – ночь, проведенная без сна! – садится – улыбается мужу, а тот и не замечает... посмотри... еще раз выглянула в окно и опустила в карету!.. Вера! Вера! – чего ищут глаза твои.

(Слышен стук кареты.)

Юрий. Всё кончено.

Александр. Вздохай – терзайся – воображай ее слезы и мысли, что вы никогда не увидите – воображай, какая ужасная борьба происходила в душе ее, когда она решилась противиться твоей страсти!.. о великий, святой пример добродетели... чистая душа... ха-ха-ха!.. Это был страх, страх – она знала, что я тут за дверью.

Юрий. Замолчи, замолчи – видишь здесь умирающий отец.

Александр. Что мне теперь отец, целый мир – я потерял всё, последнее средство погибло, последнее чувство умерло – на что мне жизнь... хочешь взять ее? – возьми и хорошо сделаешь – вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебе наскожу таких вещей, от которых и у тебя засохнет сердце, и у тебя в душе родится сомнение и ненависть... глупец, глупец! Ты думал, что когда раз понравился 17-летней девушке, то она твоя навеки – что она не может любить другого, увидевши раз такое совершенство, как ты... А я тебе скажу теперь, подтверждаю клятву, что знаю человека, для которого она забыла мужа, долг, закон, честь, даже самолюбие, человека, для которого она была готова отдать жизнь, служить ему рабой, человека, который тысячу раз должен бы был задушить ее в своих объятиях – если б отгадал будущее...

Юрий. Наконец ты должен мне сказать, кто он? Я вырву у тебя из горла это проклятое имя.

Дмитрий Петрович (слабо). Федосей – что они делают – позови их, я хочу проститься.

Федосей. Отвернитесь, батюшка – не смотрите.

Юрий. А, ты молчишь! – так я тебя принужу (хватает на столе саблю).

Дмитрий Петрович. Дети, дети... убийство – остановите их – брат на брата – господа, возьми меня скорей... (упадает).

Федосей. Помогите – холоден... (Упадает на колена и целует руку старика.)

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Александр (вырывает саблю и бросает на пол). Дитя, и ты думаешь, что силой, страхом из меня можно что-нибудь выпытать – ты грозишь смертью, кому? брату... что, если б я позволил тебе убить себя... но я не так жесток – я сам скажу всё... твой соперник, счастливый соперник – я!..

Юрий. Ты?

Александр. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели – твой ангел лежал здесь, на этой груди – следы твоих поцелуев выжжены моими – я выжал из сердца Веры всё, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего.

Юрий (закрыв лицо руками).

Дмитрий Петрович (умирая). Дети... Юрий – Юрий.

Юрий. Мое имя... отец... он умирает. (Бросается к нему.)

Федосей. Скончался!..

Юрий. Не может быть... (хватает руку). О!

(Юрий упадает без чувств на пол. Александр стоит над ним и качает головой.)

Александр. Слабая душа... и этого не мог перенести...

Конец

Примечания

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 20 (тетрадь XIX), лл. 1–20 об.

Заглавный лист, на котором были название драмы и список действующих лиц, не сохранился. Название «Два брата» впервые появилось при первой публикации отрывка драмы в 1857 году, когда заглавный лист еще, возможно, существовал. Список действующих лиц этой драмы имеется в материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ, оп. 4, № 26, тетрадь 2, л. 2, и № 85, л. 50 об.):

Дмитрий Петрович Радин

Александр,

Юрий,

Князь Лиговский, – сыновья

Вера (его жена)

Петрушка, лакей Юрия (в тексте пьесы – Ванюшка)

Федосей, камердинер Дмитрия Петровича.

Этот список сопровождается пометой В. Х. Хохрякова на полях: «Написана около 1834–36 (Раев.)». По-видимому, эта помета основана на свидетельстве друга поэта Святослава Афанасьевича Раевского. Вслед за списком действующих лиц приведен отрывок из монолога Александра из 4-го действия, сцена 1, от слов: «Да, мне 30 лет», кончая словами: «за чье преступление», с разночтениями в двух словах («не знал» вместо «не искал» и «отвергнутый» вместо «отверженный»), возникшими, возможно, вследствие неправильного чтения автографа.

Копия драмы написана переписчиком, который плохо разбирал почерк Лермонтова. Он сделал много ошибок, некоторые места рукописи прочел неправильно, а некоторые слова совсем не разобрал, оставив для них пустые места. Неправильно прочтены переписчиком следующие слова: вместо «позвольте» переписчик написал «идемте»; вместо «Юрий Дмитрич недурен» – «Юрий, думаю, не дурак»; «бесцветная» – «бесценная»; вместо «Вера» – «верно», и др. Лермонтов исправил ошибки переписчика и вставил пропущенные слова. Исправления эти сделаны им частично

Два брата. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
чернилами, частично – карандашом. Не все карандашные исправления принадлежат Лермонтову, но сделаны, очевидно, по его указанию.

На л. 20 об. копии имеется карандашный набросок Лермонтова, изображающий мужчину средних лет (в профиль).

Впервые небольшой отрывок с подробным пересказом драмы опубликован в «Русском вестнике» (1857, т. 9, июнь, кн. 1, стр. 336–344), в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова»; первая полная редакция – в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (СПб., 1880, стр. 273–313).

Датируется 1834–1836 годами на основании приведенной пометы В. Х. Хохрякова (ИРЛИ, оп. 4, № 26, тетрадь 2, л. 2) и на основании письма Лермонтова к С. А. Раевскому от 16 января 1836 года из Тархан, в котором сообщается: «пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве».

По содержанию драма «Два брата» имеет соответствия с биографией Лермонтова. Происшествие, о котором упоминается в письме Раевскому, соотносится исследователями со встречей Лермонтова в Москве, в 1835 году, с любимой им женщиной, В. А. Бахметевой, урожденной Лопухиной. (Подробнее см.: Соч. под ред. Висковатова, т. 6, стр. 280–284; Соч. изд. «Academia», т. 4, стр. 556–559). Этот эпизод встречи вошел также в роман «Княгиня Лиговская», где под именем княгини Лиговской изображена В. А. Бахметева. Это же имя повторено в романе «Герой нашего времени». Монолог Александра в драме «Два брата»: «Да!.. такова была моя участь ~ дулом пистолета» совпадает со словами Печорина в повести «Княжна Мери» (запись от 3 июня).

На сцене драма «Два брата» (с декорациями К. Головина) была поставлена 10 января 1915 года в Мариинском театре по случаю 100-летней годовщины со дня рождения М. Ю. Лермонтова (см.: «Речь», 1914, № 346, 22 декабря; «Вестник Европы», 1915, № 2, стр. 325–328).

Сноска

1 идите сюда (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://termontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!